

ХРОНИКА, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

TIMELINE, EVENTS, FACTS

УДК 619: 614. 44 (091) (470–571)

DOI:10-31677/2311-0651-2020-27-1-97-104

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ С ОСОБО ОПАСНЫМИ БОЛЕЗНЯМИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

¹**В.М. Авилов**, доктор ветеринарных наук, член-корреспондент РАН

¹**В.В. Сочнев**, доктор ветеринарных наук, член-корреспондент РАН

²**А.А. Гусев**, доктор ветеринарных наук, член-корреспондент РАН

³**А.Г. Лучкин**, кандидат ветеринарных наук

⁴**Н.В. Баркова**, кандидат ветеринарных наук

¹Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия

²Покровский завод биопрепаратов

³ГБУВ МО Территориальное ветеринарное управление № 3

⁴ООО «МАРТ-ИНФО»

E-mail: zolotovo_41@rambler.ru

Ключевые слова: сибирская язва, ящур, оспа овец, повальное воспаление лёгких, бешенство, сап, эпизоотии, госветнадзор, падеж животных, профилактические мероприятия.

Реферат. На основе архивных данных о деятельности ветеринарной службы Российской Империи приведен перечень особо опасных инфекционных болезней домашних животных; показана роль ветеринарной службы в профилактике этих нозологических форм; рассмотрены основные законодательные акты, касающиеся предупреждения инфекционных болезней животных.

FROM THE HISTORY OF STRUGGLE WITH ESPECIALLY DANGEROUS DISEASES ON THE TERRITORY OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES

V. M. Avilov, Doctor of Veterinary Sciences, Corresponding Member of RAS
V. V. Sochnev, Doctor of Veterinary Sciences, Corresponding Member of RAS
A. A. Gusev, Doctor of Veterinary Sciences, Corresponding Member of RAS
A. G. Luchkin, Candidate of Veterinary Sciences
N. V. Barkova, Candidate of Veterinary Sciences

¹*Nizhegorodsk State Agricultural Academy*

²*Pokrovsky Plant of Biologics*

³*GBWW MO «Territorial Veterinary Department № 3»*

⁴*ООО «MARCH-INFO»*

Key words: anthrax, foot and mouth disease, sheep pox, general pneumonia, rabies, glanders, epizootics, state surveillance, case of animals, preventive measures.

Abstract. Based on archival data on the activities of the veterinary service of the Russian Empire, a list of especially dangerous infectious diseases of domestic animals is given; the role of the veterinary service in the prevention of these nosological forms is shown; the main legislative acts concerning the prevention of infectious diseases of animals are considered.

Вторая половина XIX в. характеризуется широким распространением в России болезней с массовой гибелью животных. Прежде всего, это чума рогатого скота, ящур, оспа овец, сибирская язва, повальное воспаление лёгких, бешенство, сап. В 80-е гг. XIX в. в России только 6 губерний были благополучны по чуме рогатого скота, а в остальных 56 губерниях и областях гибель скота составляла от 350–400 тыс. голов в год. Значительные потери животноводство страны несло от эпизоотий ящура, сибирской язвы, повального воспаления лёгких, бешенства и др.

Сложившаяся обстановка побудила правительство осуществить ряд организационных мер. Важным решением было создание государственной ветеринарной службы с вертикалью управления на всех административных территориях.

Постановлением Государственного Совета от 2 декабря 1868 г. в составе Министерства внутренних дел созданы Управление ветеринарии и Ветеринарный Комитет с последующим их объединением в Управление ветеринарии на правах департамента, а в губернских управлениях состояли губернские и уездные ветеринарные врачи.

Создание государственной ветеринарной службы стимулировало разработку единых законодательных документов, крайне необходимых для борьбы с заразными болезнями животных.

Были разработаны правила «Охрана здоровья населения и о предохранении домашнего скота от падежа» (Устав медицинской полиции, ст. 602), которые значительно дополнили Указ Правительственного Сената от 28 июля 1730 г. «О мерах предостережения от скотского падежа». В них изложены порядок информирования о появлении заболевания, наложения карантина, проведения дезинфекции в очагах, положения об устройстве скотомогильников, ветеринарно-санитарные требования к убойным пунктам, ветсанэкспертизе, порядок использования мяса от больных животных, требования к скотопрогонным трассам, провозу животных железнодорожным транспортом и водным путём, карантинным заставам на границе и т. д. Законодательно было закреплено, что «правила должны быть исполняемы всеми, до кого могут касаться, под опасением ответственности по законам уголовным» [1].

Эффективной мерой по контролю за исполнением этих правил явилось создание губернских и уездных комитетов общественного здоровья. В состав губернского комитета входили губернатор, инспектор врачебной управы, старший ветеринарный врач, полицмейстер, городской голова и духовное лицо. Уездные комитеты состояли из местных начальников по каждому управлению, а именно, из уездного предводителя дворянства, уездного исправника, полицмейстера, уездного ветврача, городского врача, городского головы и духовного лица. Губернские и уездные комитеты работали в полном взаимодействии друг с другом, при этом решения и указания губернского комитета являлись обязательными для уездного комитета и принимались к беспрекословному исполнению.

Несмотря на принятые организационные меры, заболевание оставалось широко распространенным во многих губерниях. Причиной этого являлось частое нарушение противочумных мероприятий. В отчётах ветеринарных врачей отмечаются факты сокрытия владельцами животных информации о первых случаях болезни. Так, в Полтавской губернии установлено крайнее несоответствие между сведениями о количестве павших от чумы, доставленными полицией и собранными ветеринарами, последние в 5 раз превосходили первые, что приводит к несвоевременному принятию мер по ликвидации очагов и распространению болезни» [2].

Требование запрета перемещения животных и продуктов убоя из неблагополучной местности в благополучные территории часто нарушалось. «В Новоузенском уезде богатый купец спекулировал даже на чуме. Он, пользуясь запретом ввоза из неблагополучных уездов, за бесценок скупал скот, нелегально ввозил в свой уезд и продавал его за весьма хорошую цену или же заявлял о нём как о больном и получал вознаграждение» [3].

В Киевской губернии на начало 1888 г. имелись единичные очаги чумы крупного рогатого скота, однако с июня чума распространилась на значительной части губернии. По имеющимся сведениям, распространению заразы способствовали недобросовестные торговцы, скупавшие за бесценок больной скот для продажи его живьем или продуктами в других местах.

Способствовали распространению болезни подворный убой скота и низкое санитарное состояние большинства убойных пунктов. До половины декабря 1886 г. в Херсоне не было общественной бойни. Скот забивался на частных бойнях или по домам без надлежащего ветеринарного контроля. Животные, признанные непригодными к убою, резались ночью тайно и поступали в продажу наравне со здоровыми, то же самое было и с забракованными тушами. Подробное описание ветеринарно-санитарного состояния убойных пунктов отмечено во многих отчётах ветеринарных врачей, командированных на борьбу с чумой крупного рогатого скота [3].

При этом отмечалось, что «на бойнях крупного рогатого скота ветеринарного надзора в строгом смысле этого слова не существует, а имеется только дозор». В связи с этим законодательно были изданы циркуляры «об установлении правильного ветнадзора за убойным скотом» и необходимости «скорейшего сооружения скотобоев в городах и очистки уже существующих боев» [4].

Первопроходцами в строительстве образцовых боев стали городские власти Санкт-Петербурга, выделив на эти цели 1,5 млн руб. В Москве решение о строительстве скотопригонных дворов и боев принято на заседании Думы 4 июня 1885 г., на эти цели из городских средств было выделено 1889052 руб.

В дальнейшем вопрос об устройстве центральных боев стал решаться во многих городах России.

Не меньшую опасность представляли ярмарки, которые проводились практически круглый год. Ярмарки для деревенского населения – главный денежный источник, позволяющий оплатить подать. Поэтому крестьяне в случае совпадения появления чумы и срока проведения ярмарки о появлении болезни заявляли после завершения ярмарки и продажи скота.

Ежегодно проводилось большое количество ярмарок. Так, в Купянском уезде Харьковской губернии – 127 ярмарок, кроме того, в городах еженедельные базары, на которых продавался и менялся скот.

Организацию ярмарок подробно описал ветеринарный врач Наметниченко: «Скажу несколько слов о ярмарках, которые служат неисчерпаемым источником для распространения заразы. Мною обследованы 5 ярмарок в Ейском и Кавказском уездах Кубанской области. Все они представляют собой совершенный тип Сорочинской ярмарки. Располагаются они, к сожалению, бок о бок со станицами. Ярмарочный скот бродит по громадной ярмарочной площади и нередко соприкасается со станичным скотом. Беспорядок и хаос страшнейший! Скот, скупаемый гуртовщиками, а вернее, шабаями, ставится на зараженные базы, навоз с которых после чумы и во время чумы не вывозится в течение 6 лет. Полиция и, к сожалению, ветеринарные врачи не только в благополучное время, но и даже во время чумы не бывают ни на ярмарках, ни в зараженных станицах» [2].

Из вышесказанного видно, каким образом и как легко чума может распространяться. Серьезный фактор в распространении чумы связан с перегоном скота по территории многих губерний для убоя и участия в ярмарках. Несмотря на установление маршрутов прогона, обустройство мест отдыха и пунктов ветосмотра, возникающие случаи заболевания становились источником распространения болезни на больших территориях.

Организовать доставку скота железнодорожным транспортом долгое время не удавалось, так как железная дорога установила высокий тариф – 3 коп. за одну голову и версту вместо 1 1/4 копейки. В результате настойчивых переговоров удалось снизить тариф, что значительно увеличило количество скота, перевозимого по железной дороге. Если в 1883 г. перевозилось около 1 млн голов (288 млн голов/верст), то в 1886-м и последующие годы – около 2,3 млн голов (530 млн голов/верст). Одновременно Министерство внутренних дел содействовало организации перевозки скота водным путём по Волге и другим рекам в сопровождении ветеринаров. Этот способ оказался более практичным и дешёвым.

Наряду с внутренними источниками распространения болезни серьезную угрозу представлял занос инфекции из сопредельных государств: Монголии, Маньчжурии, Китайской империи, Персии, турецких областей Малой Азии. Связи с этим в Приамурской, Иркутской, Степной, Туркестанской губерниях и на Кавказе был установлен особый порядок ввоза скота и животноводческой продукции, выполнение которого возложено на таможенную стражу.

Одновременно для предупреждения случаев заноса чумы из Сибири вдоль границы с европейской частью России был создан особый промежуточный пояс, в пределы которого командирован усиленный ветеринарный персонал. В Тобольской, Томской, Иркутской, Енисейской губерниях увеличена численность ветеринарного персонала с целью установления ветеринарно-полицейского наблюдения за движением гуртов, работой убойных пунктов, ярмарок, рынков, своевременной диагностикой и принятия мер по ликвидации болезни.

В эти годы Министерство внутренних дел увеличило почти в 4 раза ветеринарный персонал по всей Империи, за выполнением противочумных мероприятий осуществляло постоянный контроль с требованиями обязательного их выполнения. Так, в циркуляре Министерства для губернаторов от 6 ноября 1892 г. № 907 отмечается: «Причиной распространения чумной эпизоотии способствовало, во-первых, слишком позднее обнаружение случаев заболевания и, во-вторых, отсутствие тщательного надзора за соблюдением жителями установленного порядка передвижения скота. В некоторых губерниях и областях чины полиции, сельские и станичные власти, полагая, что надзор за выполнением жителями противочумных мер относится всецело к обязанности местных и временно командированных ветеринаров, совершенно не имели за упомянутым делом должного попечения.

Принимая во внимание:

а) что на ветеринарах лежит лишь распознавание характера болезни на скоте, указание соответствующих требованиям закона обязательных постановлений, правил и способов борьбы с этой болезнью, как достичь быстрейшего ее прекращения и дальнейшего распространения,

б) что непосредственный и тщательный надзор за неуклонным выполнением означенных мер со стороны населения, побуждение к этому скотовладельцев и вообще забота о неуклонном применении на местах всех существующих распоряжений и законов по противочумной борьбе лежит на обязанности полиции, а также на сельских и станичных властях, прошу губернаторов сделать соответствующие распоряжения, чтобы подлежащие чины полиции, сельские и станичные власти под опасением строжайшей ответственности самым тщательным образом следили за выполнением противочумных мероприятий, причем чины полиции и названные власти должны о каждом дошедшем до них случае болезни или падежа скота немедленно уведомлять ветеринаров, в обязанности которых лежит скорейшее определение болезни» [4].

Несмотря на принимаемые меры, эпизоотическая обстановка не имела тенденции к радикальному сокращению болезни на территории Империи. В Казанской губернии с 1865 по 1881 г., по неполным данным, пало 109120 голов крупного рогатого скота на сумму 1636800 руб. В Пермской губернии за 15 лет пало 273883 головы, в Самарской губернии в одном только 1883 г. погибло от чумы 213959 голов. В 8 губерниях Волжско-Камского района потери достигали в среднем 60 тыс. голов в год.

В такой обстановке возникла необходимость изыскивать дополнительные меры по усилению противочумных мероприятий.

Одной из этих мер была попытка изыскания средств специфической профилактики путем проведения вакцинации, однако эти опыты не увенчались успехом. Согласно заключению Медицинского департамента Министерства внутренних дел от 8 декабря 1888 г.: «Прививание ослабленной или естественной заразы с целью сделать животных невосприимчивыми к заражению той или иной болезнью или сократить срок переболевания всего стада применялось как профилактическая мера при ящуре, оспе, повальном воспалении легких, чуме, а в последнее время, благодаря исследованиям Пастера, этот же способ настойчиво рекомендуется для сибирской язвы и бешенства.

Из перечисленных болезней прививание чумы не только бесполезно, но даже вредно, так, опытами наших и зарубежных ученых доказано, что эти прививки вызывают чумные заболевания, не менее заразительные и смертельные, чем при естественном заражении, вследствие чего эти прививки в западных государствах и у нас запрещаются» [4].

Сложившаяся обстановка заставила правительство обратить внимание на опыт стран Западной Европы, которые вместо изоляции и лечения больных животных успешно применяли в общем комплексе мер убой больного поголовья с выплатой владельцам денежной компенсации.

Впервые эту меру предложил Лапцизи в 1718 г. во Франции, который считал ее единственным верным средством в ликвидации чумы. Эта мера стала применяться выборочно в отдельных провинциях и только в 1815 г., когда эпизоотия распространилась почти по всей территории Франции, она была введена как обязательная во всем государстве.

За Францией в разные годы последовали Англия, Голландия, Германия, Пруссия и Италия.

В России закон об убое больных и подозрительных в заболевании чумой животных установлен законом от 3 июня 1879 г., который предусматривал:

– при появлении на местном скоте чумы все больные и подозрительные животные немедленно убиваются;

- за убитый скот и уничтоженный инвентарь владельцам выдается вознаграждение, по нормальной оценке, устанавливаемое на каждое трехлетие Комитетом министров;
- владелец убитого скота не получает вознаграждение в случае несвоевременного сообщения о появлении болезни и в случаях укрытия скота от учета;
- издержки на вознаграждение владельцам за убитый скот относятся на общий по губернии или уезду земский сбор;
- ответственность за убой больных и подозреваемых в заболевании животных, соблюдение установленных законом мер по предупреждению болезни возлагается на земские учреждения при содействии полиции.

Принятый закон вызвал неоднозначную реакцию в обществе. Крайне негативно высказались скотовладельцы и ряд ветеринарных специалистов: «ни один врач еще не был так страшен для русского народа, как нашествие чумоубивателей. Не от чумы погибнет скотоводство, а от обязательного беспринципного убивания» [3].

Противники закона выдвигали следующие мотивы против «его пригодности и целесообразности»:

- специалисты-ветеринары говорят, что убивание чумных животных противоречит ветеринарии как науке о лечении больных;
- лишает возможности изучать, наблюдать болезнь, следовательно, отнимает всякие средства к отысканию противоядия;
- позорит ветеринара как представителя науки, делая его в глазах народа палачом;
- мера не современна и бесчеловечна;
- вследствие постоянного нахождения чумы в степях животные естественным путем вырабатывают иммунитет;
- убивание чумных животных поведет к истреблению всего скота на юге России;
- изоляция и карантинные меры должны быть предпочтительнее убиванию как средству вредному, уничтожающему вместе с чумой и скот» [3].

Но авторитетные ветеринарные ученые поддержали закон. Профессор Нагорский писал: «Убивание чумных животных есть мера прекратительная, равна по своему значению разрушению горящих зданий при пожаре, а применение изоляционных мер растягивает эпизоотию и дает возможность распространять заразу» [3].

Профессор Евсеенко указывал: «В основе современной борьбы с инфекционными болезнями должно лежать стремление к развитию естественного или искусственного иммунитета среди животных. Научной должна признаваться всякая мера, достигающая сокращения до минимума заболевания какой-нибудь болезнью. Убивание зачумленных животных отодвинуло границы чумной эпизоотии почти совсем за пределы Европы. Следовательно, убивание зачумленных животных – научно. Дорого бы дали медики за возможность применить энергичные меры к борьбе хотя бы, например, с сифилисом и нам, ветеринарам, не стоит бросать нашего орудия – синицу в руках, чтобы гоняться за иммунитетом – журавлем в небе» [3].

Следует отметить, что и Министерство внутренних дел заняло неоднозначную позицию, видимо, из-за имеющихся разногласий в обществе по поводу этого закона и необходимости иметь значительные финансы на компенсацию владельцам убитых животных.

По опыту стран Западной Европы, на эти цели требовались значительные суммы денег. Так, в Англии в 1865–1866 гг. уплатили за убитых животных более 17 млн руб., в Голландии в 1865–1867 гг. – 7,5 млн руб., в Германии в 1869–1870 гг. – 273000 марок, в Италии в 1862–1866 гг. – 12 млн франков.

Видимо, по этим причинам Министерство не решилось ввести такую меру в действие одновременно на всей территории Империи, что снизило ее эффективность. По этому поводу было принято решение: «Установленная мера убоя зачумленных животных вводится в действие не

одновременно по всей Империи, а постепенно, соответственно оказывающейся в том необходимости, по соглашению Министерств внутренних дел и Государственных имуществ» [4].

В результате в 1883 г. при наличии болезни в 48 губерниях убой больших чумой животных осуществлялся только в 10, в 1885 г. – в 27, в 1886 г. – в 30, в 1887 г. – в 48 и с 1888 г. убой стал обязательен на всей территории России.

В губерниях убой скота осуществлялся по различным схемам, разработанным местными властями. Так, в Казанской губернии был установлен следующий порядок:

– в случае установления чумы во дворе скотовладельца, имеющего менее 7 голов, весь этот двор подлежит убою; если более 7 голов, то убивается только больной скот, а остальной разбивается на мелкие изолированные партии (5 голов) и в случае обнаружения убою подлежит вся партия;

– в летний период при отсутствии возможности содержать скот подворно разрешается содержать его на изолированных пастбищах мелкими партиями (до 20 голов), и при появлении болезни убою подвергается вся партия;

– при появлении болезни в селении, имеющем более 100 голов, и количество павших до 25 % от общего поголовья, убой скота заменяется мерами изоляции и карантина.

В Самарской губернии практиковался подход к убою скота, зависящий от сезона появления болезни. В зимнее время при подворном содержании скота при установлении болезни всё поголовье этого двора подвергалось убою независимо от количества. В летний период при обнаружении болезни всё поголовье размещалось мелкими партиями на изолированных участках пастбищ и при появлении болезни вся партия подлежала убою.

Внедрение убоа неблагополучного по чуме поголовья на всей территории России привело к значительному улучшению эпизоотической обстановки в целом по стране (таблица).

Влияние убоа чумных животных на эпизоотическую обстановку

Год	Количество губерний, выполнявших закон об убое	Количество неблагополучных губерний	Количество заболевшего скота, тыс. гол.
1885	27	50	До 350
1886	30	43	286
1887	48	32	76
1888	62	23	37

За период с 1885 по 1888 г. количество неблагополучных губерний сократилось более чем в 2 раза, а заболевшего скота – почти в 10 раз.

Следует отметить, что 1888 г. стал одним из благоприятнейших в течение XIX столетия в части ограничения распространения болезни и предупреждения гибели скота. В последующем отмечено ежегодное сокращение распространения этой болезни. Так, по данным Ветеринарного управления, на конец 1900 г. заболевание чумой регистрировалось только в губерниях Закавказья (Бакинская, Елизаветпольская, Тифлисская, Эриванская) и азиатской части России (Забайкальская, Приморская, Семиреченская области).

Однако в годы первой мировой войны 1914–1917 гг., а также в годы Гражданской войны заболевание вновь приняло широкое распространение. Благодаря энергичным мерам, принятым Правительством Советской России, на её европейской части болезнь была ликвидирована в 1924 г., а в республиках Закавказья и приграничных азиатских территориях – в 1928–1929 гг. С 1924 г. под эгидой Международного эпизоотического бюро была организована целенаправленная работа по ликвидации этой болезни во всех странах мира. Благодаря объединенным усилиям, в 2011 г. более 190 стран представили декларацию об их благополучии по данной болезни.

Это большой успех, в том числе ветеринарной науки и практики, который способствовал развитию животноводства и решению вопросов продовольственной безопасности. Исторический опыт ликвидации этой болезни необходимо изучать и использовать при разработке мероприятий по ликвидации аналогичных болезней в современных условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Архив ветеринарных наук.* – СПб., 1901.
2. *Архив ветеринарных наук.* – СПб., 1888. – Т. 2, разд. 5. – С. 233–234; 299–307.
3. *Архив ветеринарных наук.* – СПб., 1889. – Т. 1, разд. 7. – С. 38–44; разд. 5. – с. 5; разд. 6. – С. 2–3.
4. *Справочная книжка ветеринаров.* – СПб., 1894. – Вып. 1. – С. 39–40; 62–63, 150.

REFERENCES

1. Arhiv veterinarnykh nauk. – SPb., 1901.
2. Arhiv veterinarnykh nauk. – SPb., 1888. – T. 2, razd. 5. – S. 233–234; 299–307.
3. Arhiv veterinarnykh nauk. – SPb., 1889. – T. 1, razd. 7. – S. 38–44; razd. 5. – s. 5; razd. 6. – S. 2–3.
4. Spravochnaya knizhka veterinarov. – SPb., 1894. – Vyp. 1. – S. 39–40; 62–63, 150.